

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

СЭМЮЭЛ БЛЭК

ДАРУЮЩИЕ
СМЕРТЬ,
КОВАРСТВО
И ЛЮБОВЬ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 70

Samuel Black
THE GROUND IS BURNING
© Samuel Black, 2010

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *П. Трофимова*

Блэк С.
Б 70 Дарующие Смерть, Коварство и Любовь / Сэмюэл Блэк ; [пер. с
англ. М. Юркан]. — М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Исторический
роман).

ISBN 978-5-699-69160-9

1502 год. Благословенная земля Италии, колыбель Высокого Возрождения, сотрясается в конвульсиях гражданской войны. Молодой, но крайне амбициозный политик и военачальник Чезаре Борджиа мечтает стать вторым Цезарем и образовать новую Римскую империю. Его победоносное шествие по стране на время останавливается в Имоле, где Чезаре переводит дух перед новым рывком. Волею судеб туда же попадают Никколо Макиавелли, ведущий переговоры с Борджиа от имени Флорентийской республики, и Леонардо да Винчи, которого победитель Имолы пригласил поработать над образцами нового оружия. Три посвоему великих человека, оказавшиеся в одном месте и в одно время, – это обещает многое всем трим. И жизнь каждого круто изменится после этой встречи...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-69160-9

© Юркан М. Ю., перевод на русский язык, 2012
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*Михилю ван ден Экхауту,
сделавшему стол, на котором была написана
эта книга, и в качестве подношения Фортуне*

Карта Центральной Италии, 1500 год

СПИСОК ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ (ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ)

Леонардо да Винчи (1452–1519)

Никколо Макиавелли (1469–1527)

Чезаре Борджиа (1475–1507)

Доротей Караччиоло, молодая знатная дама, похищенная Чезаре Борджиа

Вителлодзо Вителли, правитель Читта-ди-Кастелло, «солдат удачи», один из командиров Чезаре.

Мессер Пьеро да Винчи, отец Леонардо

Франческо да Винчи, его дядя

Томмазо Мазини, ученик и помощник Леонардо

Джакомо Капротти, также известный под именем Салаи, молодой возлюбленный и ученик Леонардо

Донатто Браманте, также известный под именем Доннино, архитектор и друг Леонардо

Лука Пачиоли, математик и друг Леонардо

Бернардо Макиавелли, отец Никколо

Тотто Макиавелли, его брат

Бьяджо Буонаккорси, его друг и сослуживец

Агостино Веспуччи, его друг и сослуживец

Мариетта Макиавелли, его жена

Франческо Содерини, его друг, сослуживец, впоследствии кардинал

Пьеро Содерини, флорентийский посол, позже гонфалоньер республики

Аламанно Сальвиати, флорентийский политический деятель и враг Никколо

Родриго Борджиа, также известный как Папа Александр VI, отец Чезаре

Джованни (Хуан) Борджиа, брат Чезаре

Лукреция Борджиа, его сестра

Агасито Герарди да Амала, его секретарь

Римиро да Лорка, один из его испанских командиров

Микеле де Корелла, также известный как Микелотто, его придворный палач и убийца

Лоренц Бехайм, его астролог

Себастьян Пинзоне, один из его шпионов

Оливеротто да Фермо, «солдат удачи» и один из командиров Чезаре

Паоло Орсини, «солдат удачи» и один из командиров Чезаре

Джулиано делла Ровере, позднее Папа Юлий II, враг Борджиа

Людовик XII, король Франции

Катерина Сфорца, правительница Имолы и Форли

Если настоящее сравнить с далеким прошлым, то легко заметить, что в любом городе и для любого человека желания и страсти остаются неизменными.

Никколо Макиавелли

Часть I

К СЛАВНОМУ БУДУЩЕМУ (1479–1498)

1

Флоренция, 28 декабря 1479 года

НИККОЛО

Я опаздывал на казнь. Очень досадно, поскольку больше года я с нетерпением ждал смерти этого человека.

Я зря тратил время, споря с моей матушкой, не разрешавшей мне выходить из дома.

— Никколо, твой отец беспокоится из-за чумы, — сказала она. — Вероятно, он зря волнуется, но ведь он — твой отец. И не важно, прав он или ошибается, ты должен подчиняться ему.

— Пожалуйста, матушка. Ну, пожалуйста, позвольте мне уйти. Нам не обязательно говорить папе...

— Надеюсь, ты не предлагаешь мне солгать твоему отцу?

— На самом деле вам вовсе не надо *лгать*. Просто ничего ему не говорите.

Странно наморщив лоб, моя матушка старалась воспринять новую для нее мысль. Интересно, как ей удалось прожить больше тридцати лет, совершенно не понимая того, по каким законам существует наш мир? Мне они уже вполне ясны, хотя я живу на этой земле только первый десяток лет.

Я видел, что она пребывает в нерешительности, порожденной, однако, в одинаковой мере как усталостью, так и логикой моих доводов. Выжимая до отказа свою выгоду, я продолжал умолять ее душещипательным плаксивым тоном.

— Ему же не повредит то, чего он не знает, — заметил я.

В тишине после моих молений мы оба слышали надрывный, с кровью, кашель отца. Матушка, видимо, испытывая слабость, приложила ладонь ко лбу.

— Иди уж, раз тебе так надо, — со вздохом произнесла она, — но веди себя пристойно. И быстро возвращайся домой.

Не давая ей шанса передумать, я мигом исчез из комнаты. Дверь захлопнулась, и, оставив позади душное домашнее тепло, я побежал по улице навстречу веселому журчанию зловонной реки. Щеки холодил декабрьский воздух — желтовато-серый, пыльный, пронизанный солнечным светом и дымом. Наконец очутившись на свободе, я припустил во всю прыть.

Путь мой лежал к дворцу Барджелло, где находилась тюрьма, на площади перед которым вешали всех предателей. Сегодняшнего преступника звали Бернардо ди Бандино Барончелли, и, как известно, во время праздничной литургии в апреле прошлого года он заколол Джулиано Медичи, вонзив ему в шею кинжал и воскликнув «Умри, предатель!». Бандино участвовал в заговоре, устроенном Папой и семейством Пацци. Они хотели захватить власть в городе. На Лоренцо Медичи тоже покушались, клинок ранил его в шею, но он выжил, а заговор был подавлен. Потому-то мы и называем его Лоренцо Великолепный. Всех остальных заговорщиков давно повесили, но Барончелли спрятался на колокольне, а потом умудрился бежать из Италии. Правда, Медичи, как говорится, имели глаза повсюду, вот шпионы и отыскивали его в Константинополе.

И как раз на сегодняшнее утро назначили его казнь, а я так... так досадно опаздывал.

Лавируя и проталкиваясь через толпу на мосту Понте Веккьо, я орудовал локтями как щитом и сразу за мостом увидел болвана Бьяджо; он поджидал меня, уперев руки в боки. Я пролетел мимо него, крикнув:

— Скорей, мы же опаздываем!

Чуть позже он ухватил меня за руку и, задыхаясь, просипел противным голосом:

— Конечно, мы опаздываем... а кто виноват? Теперь уж поздно бежать... мы все пропустили...

Бьяджо — толстяк. Он не любил бегать.

— А может, палач тоже опоздал, — бросил я, высвобождая рукав из его хватки. — Давай скорей, посмотрим!

— Палачи никогда не опаздывают! — выкрикнул он таким возмущенным тоном, словно своим предположением я оскорбил лично его.

Оставив без внимания его возмущение, я продолжал бежать. Я ловко лавировал, обходя дымящиеся кучи лошадиного навоза и уриновый ручеек, бежавший посредине виа Пор-Санта Мария. Свернув направо, я промчался по улочке — неожиданно притихшей, — где жили родственники моего отца; по проходным дворам; мимо выстиранного белья на веревках; мимо детских воплей и запахов варившейся капусты — и наконец вырвался на просторную площадь Пьяцца делла Синьория. На этой площади иногда устраивались игры в мяч, собирающие большие толпы болельщиков. Снизив скорость бега, я глянул на дворец: перед входом маячила вооруженная стража, а саму площадь патрулировали конные солдаты. Здесь вершилась Власть. Продолжая бежать легкой трусцой, я повернул голову, чтобы рассмотреть высокую темную башню — за ней быстро перемещались облака, из-за чего казалось, будто она падает прямо на меня.

Я припустил дальше по краю ликующей и глумящейся толпы. Пока я бежал, кто-то вскрикнул, и несколько человек упали передо мной, как костяшки домино. Один из них поднялся на ноги с расквашенным носом и выхватил из-за пояса нож. Я обежал его по широкой дуге и устремился в боковую улицу,

более темную, прохладную и пустынную. На миг мне показалось, что, возможно, я еще успею, но потом, заметив толпу людей, вытекающую справа, услышав их смех и оживленное обсуждение, понял, что они возвращаются с Барджелло.

Теперь уж мне пришлось остановиться: слишком трудно пробираться против течения такого скопления народа. Я встал у какой-то двери и, переводя дух, пристально поглядел назад в ожидании появления Бьяджо. Он догнал меня немного погодя, с лицом свекольного цвета, и плюхнулся без сил возле моих ног. Капли пота стекали с его лба на мостовую. Отдышавшись, он сказал несчастным голосом:

— Я же говорил тебе, что палачи никогда не опаздывают.

По краю площади Барджелло еще топтались остатки зевак. Мы стояли под трупом и смотрели на него — вялое покачивание слева направо, а потом справа налево. Предсмертные судороги давно закончились, лицо потемнело.

Бьяджо прошипел: «Так тебе и надо, предатель!» — а я рассмеялся.

Вскоре на площади никого не осталось, кроме меня с Бьяджо и еще одного человека неподалеку от нас, записывающего что-то в книжицу. Этот парень, довольно молодой и нарядно одетый, однако, не выглядел богачом: скорее всего, все свои деньги он тратил на наряды. На нем весьма изящно смотрелись обтягивающие розовые штаны и камзол, поверх которого рассыпались длинные волнистые волосы.

— Вы, часом, не поэт? — спросил парня Бьяджо.

Мой приятель имел обыкновение подходить к незнакомцам и задавать им вопросы.

Оторвавшись от записной книжки, парень глянул на него с таким видом, точно ему на язык попало что-то противное:

— Как вы могли такое подумать?!

ЛЕОНАРДО

Я дорисовал казненного и теперь сравнивал свой эскиз с оригиналом, поглядывая то на него, то на изображение. Голова, как я заметил, получилась не совсем верно — слишком уж

смахивала на череп. Болтаясь надо мной, повешенный выглядел еще живым — разве что каким-то усталым, печальным и смирившимся со своей судьбой. Я еще разок набросал его лицо в нижнем уголке листа. Уличные мальчишки подошли поближе и уставились в мою открытую записную книжку.

Толстяк сказал:

— Ах, нет, он не поэт. Гляди-ка... он всего лишь художник.

Всего лишь художник!

— Неужели Медичи заказали вам картину этого заговорщика? — спросил тощий мальчишка и показал на фигуры Боттичелли на стене Барджелло. — Может, это вы написали картины других изменников?

Откуда ребенок мог знать такие вещи? *Заказы, Медичи и изменники* — эти слова подобны пыли в его устах. Я глянул ему в глаза и не увидел в них ни невинности, ни радости. Над тонкой и жестокой улыбочкой флорентийца горели детские глаза, но во взгляде их уже проглядывал маленький взрослый. Увы, этот город с детства накладывает на своих жителей несмываемый грязный отпечаток. Я благодарен судьбе, позволившей мне провести ранние годы среди лесистых холмов и рек.

...с холма возле Винчи я видел дом моей матери и поднимающийся над трубой белый дым...

— Нет, других людей рисовал не я. Если бы мне довелось изображать их, то они выглядели бы более живыми.

Мои слова явно не произвели впечатления на щуплого сорванца.

— Да ладно, хорош или плох был тот художник, но говорят, что он получил по сорок дукатов за каждую фреску.

Я постарался скрыть удивление, прищутив глаза. Но ведь это только деньги — нет никакой славы в такой работе. И она не продержится долго. Я закрыл блокнот, сунул его обратно в карман и, оставив повешенного на трепетное попечение мальчишек, направился к виа Гибеллина.

Я миновал массивную темную дверь отцовской конторы. Даже не замедлил шага. Не постучал. Последний раз мы ви-